

Шичжу приняла кубок, скользнула взглядом по статной фигуре Фан Иту и, прислушавшись к её низкому, с хрипотцой, андрогинному голосу, слегка смущенно опустила ресницы.

— Принцесса приказала мне подчиняться господину Чжунсяю-хоу, — прошептала она. — Если у вас есть распоряжения, я беспрекословно их исполню.

Фан Иту взглянула на Чжай-нян, едва заметно улыбнулась и произнесла низким голосом:

— Сын Чжан Босуй и Дун Юна, Дун Чжун, достиг восьми лет — самого нежного возраста. Если такая очаровательная фея, как вы, хоть раз попадется ему на глаза, дело будет в шляпе.

Шичжу опешила:

— И... только-то?

Фан Иту расхохоталась:

— Для вас, фея, это сущий пустяк, но для меня, Фан Чжигуй, задача сложнее, чем достать луну с неба. При моей и супруги внешности... к тому же мать Дун Чжуна — настоящая красавица. Без вас, фея, я ни за что не смогла бы проверить этот план. За ваше здоровье!

Шичжу еще не успела пригубить вина, как её щеки вспыхнули алым. С трудом осилив полбокала, она была вынуждена отставить кубок, уже захмелев.

— Вино без музыки — не пир, — пробормотала она, пребывая в блаженном забытии. — Позвольте мне станцевать.

Фан Иту громко рассмеялась:

— Чжай-нян мастерски играет на пипе, а я неплохо танцую Люяо. А какой танец предпочитаете вы, сестрица Шичжу?

Шичжу, хихикая, бросилась ей на шею, совершенно потеряв сдержанность:

— Я тоже отлично танцую Люяо!

Чжай-нян с досадой покосилась на неё и взяла в руки украшенную перламутром пипу. В душе она сетовала: Ты когда-то говорила, что если бы была мужчиной, то взяла бы меня в жены и хранила верность всю жизнь. Я отдала тебе свое сердце, а ты видишь во мне лишь доброго друга... Если ты не сходишься с женщинами, то ладно, но если бросишь меня ради другой красавицы — знай, я, Чжай Яньэр, не из тех, кто легко прощает. Эта фея Шичжу... она ведь такая неземная! А я — лишь простая ива у обочины...

Фан Иту, выпив пару чаш божественного нектара, сбросила верхнюю одежду, поднялась и, подхватив мелодию, пустилась в пляс. Шичжу, переведя дух, присоединилась к ней.

Их танец был поистине прекрасен:
В южных краях есть красавица,
Легко кружится в танце Люйяо.
На пиру в девятую луну осеннего вечера
Взмахи рукавов задевают звезды.
Словно ветка орхидеи, изящна,
Подобна взлетающему дракону.
Красавицы Юэ позабыли о ручье,
Девы У замерли, не в силах вздохнуть.
Их движения бесконечно плавны,
Танец завершается в вихре красоты.
Словно лотос, пробивающий волны,
Словно снег, кружащийся на ветру.
Серьги качаются, ловя взгляды,
Длинные полы одежд тянутся к небу.
Лишь осень не в силах их удержать,
Улетают они, словно испуганные лебеди.

Дун Чжун, воспитанный в строгости своей ослепительной матерью и трудолюбивым отцом, всегда прилежно учился, работал в поле и не отвлекался на пустяки. Однако по деревне поползли слухи, и, волей-неволей, он стал слышать обрывки разговоров:

- В храме Чэнхуана постоянно появляется фея.
- Она такая красивая, что глаз не отвести! Правда, совсем юная, лет семи-восьми, и ко всему проявляет любопытство.
- Мне удалось взглянуть на неё лишь мельком, я три дня сторожил — и больше не видел!
- Хоть она и мала, но прекрасна несказанно! И от неё исходит дивный аромат.
- Если бы я мог взять такую в жены, это было бы величайшим благословением предков!
- Она красивее, чем жена Дун Юна!
- Ого!

— Дун Чжун, — Ван Аньго, его товарищ по учебе, поманил его пальцем. — Давай сегодня вечером сходим к храму? Я прикинул, она обычно появляется после заката.

Дун Чжун, невозмутимо пропалывая грядки, ответил:

— Благородный муж не говорит о духах и чудесах.

— Это не чудеса, это красавица, неземная красавица! — Ван Аньго топнул ногой. — Твой отец, такой увалень, а отхватил такую красавицу-жену. Ты тоже не из бойких, попробуй, вдруг получится привезти её домой в качестве невесты? Говорят, она твоего возраста.

Дун Чжун поднял голову и с презрением посмотрел на него:

— Если я хочу полюбоваться красотой, мне достаточно взглянуть на мать. В этой жизни мне не найти жены прекраснее неё.

— Ну, ты не прав, это просто... не к месту сказано, — Ван Аньго потянул его за мотыгу. — Все говорят, что та фея краше твоей матери, ведь она настоящая небожительница! Ладно, книжный червь, с тобой не договориться. Либо пойдешь со мной вечером, либо я заберу твою мотыгу, и вечером отец задаст тебе трепку.

Дун Чжун пришел в ярость, отступил на пару шагов и с испугом воскликнул:

— Благородный муж решает споры словами, а не кулаками!

Ван Аньго торжествующе ухмыльнулся:

— Не надейся одолеть меня, парень, я на пять лет старше!

Когда Дун Чжун появился у храма Чэнхуана, Фан Иту ждала на кухне, пока Чжай-нян пожарит бобы, собранные на склоне горы. Шичжу постучала в дверь и почтительно произнесла:

— Господин Чжунсяо-хоу, Дун Чжун прибыл.

Фан Иту вышла, плотно прикрыв за собой дверь, оставив Чжай-нян вместе с кухонным чадом:

— Прошу вас, фея, покажитесь ему подольше.

— Слушаюсь, — Шичжу поклонилась, обернулась нефритовой куколкой и упорхнула.

Луна поднялась над деревьями, заливая землю серебром.

— Почему она не появляется? — прошептал Ван Аньго, дергая Дун Чжуна за рукав.

Тот, щурясь на лунный свет, читал Шан Шу и лениво ответил:

— Мой отец сегодня недоглядел, ну да ладно. Чего спешить? Постоим, подождем.

Вскоре повеяло ароматом мускуса и орхидей, и в легкой дымке показалась девочка лет восьми. Заметив чужаков, она хотела скрыться, но вдруг вернулась и, прикрывшись веером, застенчиво замерла. На ней был изящный наряд: серебряная заколка, золотые серьги с пурпурным нефритом, шелковая кофта и белая юбка с вышивкой, из-под которой виднелись крошечные красные туфельки.

Ван Аньго замер, не в силах вымолвить ни слова. Дун Чжун, привыкший к неземной красоте матери, с трудом взял себя в руки, подошел и отвесил глубокий поклон:

— Почтенная фея, приветствую вас.

Шичжу улыбнулась и ответила поклоном, не проронив ни слова. Лишь её глаза, похожие на черный жемчуг, ярко и чисто смотрели на него. Дун Чжун не знал, что сказать, и просто стоял рядом. Посмотреть на неё казалось дерзостью, а отвести взгляд — невыносимой мукой.

Спустя мгновение Фан Иту, облачившись в официальный наряд Чэнхуана, вселилась в глиняную статую и позвала:

— Дитя моё, возвращайся.

Шичжу послушно исчезла.

Дун Чжун и Ван Аньго долго смотрели в пустоту, а затем, переглянувшись, тяжело вздохнули.

— Если бы я не потащил тебя с собой, — с тоской произнес Ван Аньго, — может, я бы успел попросить её стать моей женой.

— Ослепительная красота, — пробормотал Дун Чжун. — Люди и боги живут в разных мирах, нам не дано быть вместе.

Ван Аньго сплюнул:

— Сам же к ней прижимался, а теперь говоришь — не дано. Лицемер! Скажи, если бы её предложили тебе в жены, отказался бы?

Дун Чжун отрезал:

— Взял бы! Кто откажется — тот дурак!

Ван Аньго толкнул его в плечо:

— Тогда к чему эти разговоры про разные миры? Идиот! Эх, почему я сам не осмелился подойти!

Спустя два часа Фан Иту в облачении Чэнхуана, прихватив отрез шелка и два золотых слитка, явилась во сне к Чжан Босуй:

— Моя дочь недурна собой и желает служить добродетельному мужу. Раз уж ваш сын не побрезговал ею, я приду за ним, чтобы справить свадьбу. Примите скромный дар для сватов.

Чжан Босуй проснулась в смятении, села на кровати и, увидев рядом шелк и золото, вскрикнула. Дун Юн, проснувшись от испуга, спросил:

— Что случилось, жена? Вор?

Та, бледная как полотно, ответила с тоской:

— Чэнхуан приходил во сне и просил руки нашего сына для своей дочери.

Дун Юн облегченно вздохнул:

— Так это же хорошо! Наверное, это та милая девочка из храма? Лучшей партии для сына не найти.

Чжан Босуй нахмурилась:

— Ты с ума сошел! Разве ты не знаешь, что люди и духи не должны сближаться? Если он хочет забрать сына, значит, Дун Чжун должен умереть! Как я могу на это согласиться?

— И что же нам делать? — растерялся Дун Юн.

Чжан Босуй быстро оделась, подпоясалась, достала из печи спрятанный меч и, охваченная яростью, выбежала из дома. Дун Юн, накинув одежду и схватив мотыгу, бросился следом.

Тем временем Шичжу в храме заламывала руки:

— Господин Чжунсяо-хоу! С древних времен браки между богами и людьми запрещены! Я столько лет практиковала, чтобы стать небожительницей, вы же губите меня!

Фан Иту хотела было ответить, но Шичжу добавила:

— Что бы вы ни говорили, я на это не соглашусь.

Фан Иту успокаивающе улыбнулась:

— Чжан Босуй тоже против. Я не собираюсь нарушать законы Небес, не бойтесь. Я обо всем договорилась с принцессой Лунцзи. Если не верите — можете возвращаться на Небо.

Шичжу немного успокоилась:

— Простите мою вспыльчивость, господин Чжунсяо-хоу.

— Ничего, — ответила та. — Ваша верность законам достойна уважения.

Чжай-нян, приоткрыв дверь, нахмурилась:

— Чжан Босуй тычет мечом в статую Чэнхуана и проклинает тебя. Иди разберись, Стоящая на

пороге.

Фан Иту накинула одеяние Чэнхуана, взяла нож и приказала призракам-слугам:

— Ступайте отдыхать, не вмешивайтесь.

Слуги дрожали:

— Господин, та женщина — бывшая седьмая принцесса Неба. Её меч рубит и богов, и духов. Предыдущие два Чэнхуана были серьезно ранены ею. Не вступайте в бой, берегите жизнь!

Глаза Фан Иту блеснули, она потерла руки:

— Волшебный меч... ну, держись.

Она обожала оружие, доспехи и коней, и мысль о редком мече её заинтриговала. Слуги, решив, что она их послушала, поклонились и исчезли.

Фан Иту, в парадном облачении и короне, села на трон, заменив статую. Она выглядела грозно, глядя на Чжан Босуй:

— Простая смертная, как ты смеешь оскорблять меня!

Чжан Босуй указала мечом на шелк и золото:

— Забирай свои дары, мой сын не женится на твоей дочери!

Фан Иту ударила по подлокотнику:

— Ты кто такая, чтобы указывать мне!

Дун Юн, стоявший рядом, попытался смягчить ситуацию:

— Простите, господин Чэнхуан, моя жена просто очень беспокоится за сына.

Фан Иту немного смягчилась:

— Ладно, ступайте.

Чжан Босуй все еще кипела от гнева, но Дун Юн удержал её. Фан Иту, хитро прищурившись, спрыгнула с трона, подошла к Чжан Босуй и, к удивлению последней, легонько ущипнула её за щеку. Она понюхала пальцы и расхохоталась:

— Думаешь, все такие же недотроги, как ты?

Чжан Босуй, обезумев от ярости, оттолкнула мужа и бросилась в атаку. Фан Иту, издав дикий смех, вскочила на трон, схватила стальной нож и приняла вызов.

Чжан Босуй нанесла мощный удар сверху, надеясь разрубить врага. Фан Иту приняла удар на

нож, но, как и ожидалось, клинок божественного меча перерубил её оружие, как бумагу.

Фан Иту не растерялась: бросив обломок, она стремительно сблизилась с противницей, прижав её к себе. Чжан Босуй отпрянула.

— У тебя нет оружия, — холодно произнесла принцесса. — Сдавайся, пока я не вырезала твое сердце.

Фан Иту встала в боевую стойку, облизнула губы и усмехнулась:

— На моей земле ты будешь играть по моим правилам.

Вторая принцесса, наблюдая за этим через зеркало, вскрикнула:

— Скорее! Отправьте мой нож Маоцзинь Фан Иту! Если Босуй убьёт её, это вызовет гнев Небес, а мне потом отвечать перед Матушкой!

Фан Иту, уворачиваясь от ударов, внезапно услышала голос служанки, появившейся из ниоткуда:

— Господин, ловите!

Фан Иту перехватила оружие и с яростным криком бросилась в бой. Теперь они были равны. Меч против ножа, ярость против гордыни.

Спустя некоторое время Фан Иту подставилась под удар, ухватила Чжан Босуй за волосы, а та в ответ обвила её ноги. Дун Юн хотел вмешаться, но Чжай-нян, выйдя из-за занавеса, приставила к его горлу кухонный нож.

Фан Иту, вся в поту, с покрасневшимся лицом, посмотрела на Чжай-нян:

— Чжай-нян, сколько лет я не видела, как ты берешься за нож. Ты по-прежнему прекрасна.

Фан Иту была груба, но искренна. Чжай-нян потупила взор, а Фан Иту, воспользовавшись моментом, нанесла удар в точку Таньчжун. Чжан Босуй сжалась от боли.

Фан Иту, поднявшись, прокричала:

— Без тебя я бы ничего не добилась!

Чжай-нян, сдерживая слезы, вытолкала Дун Юна за дверь и закрыла её, наблюдая за схваткой.

В конце концов Фан Иту, распахнув ворот своего наряда, обнажила мускулистую грудь и вызывающе рассмеялась:

— Чжан Босуй, если можешь — снеси мне голову. А если нет — нечего здесь устраивать балаган.

Чжан Босуй, дрожа от унижения, прошипела:

— Ты хоть знаешь, кто моя сестра?

— Принцесса Лунцзи, — улыбнулась Фан Иту, и её хриплый голос прозвучал в тишине храма: — А ты знаешь, кому служу я?

<http://bllate.org/book/21775/2251798>